

СЕРГЕЙ ГАРИН

ИГРОК

Сергей Александрович Гарин

Игрок

Аннотация

«Когда-то, вероятно, он был красив, но безалаберная жизнь, бессонные ночи и вечные переживания наложили на его лицо печать собачьей старости. Да и сам он был весь какой-то расхлябанный, словно старая пролетка, у которой уже ослабли все гайки и рессоры от долгой езды по неудобным, кочковатым дорогам...»

Сергей Гарин

Игрок

Когда-то, вероятно, он был красив, но безалаберная жизнь, бессонные ночи и вечные переживания наложили на его лицо печать собачьей старости. Да и сам он был весь какой-то расхлябанный, словно старая пролетка, у которой уже ослабли все гайки и рессоры от долгой езды по неудобным, кочковатым дорогам.

Звали его Владимиром Аркадьевичем, а фамилия была – Левшин. Имел он небольшой домик на окраине Москвы и скромную торговлю москательными товарами. Но в лавку никогда почти не заглядывал, а ею заведовала жена – Анна Власьевна, женщина сухая, молчаливая. Было у Левшина двое детей: Васька, реалист шестого класса, и Аннушка, тихая, молчаливая девушка, не окончившая гимназии и помогавшая матери по хозяйству.

Однообразно тянулась жизнь в тихом домике у Серпуховской заставы. Владимир Аркадьевич обыкновенно возвращался из клуба в седьмом часу утра, отворял парадную французским ключом, неслышно пробирался в кабинет и спал на диване до полудня. Около часу дня он выходил в столовую, – маленькую, полутемную комнату в одно окно, – пил чай с калачом, просматривал газету... Аннушка сидела тут же, читая какую-нибудь книгу – и было тихо в этой комна-

те, и только круглые столовые часы нарушали упорным тиканьем жуткую тишину.

Около двух часов Левшин уезжал на бега и, возвратившись к обеду, заставлял всю семью. И если был в тот день в выигрыше, много говорил за столом, рассказывал детям забавные истории. В противном случае, сидел молча, мрачно уставившись в тарелку, и жевал нехотя, полусонно... А когда его о чем-нибудь спрашивали, долго смотрел тупым взглядом на спрашивавшего и только после этого отвечал.

После обеда следовал отдых до десяти часов вечера, а затем отъезд в клуб, до нового утра.

Так бежали дни. Однообразно, как бегут длинные, однообразные рельсы в неведомую даль. И только в праздники, выходя к утреннему чаю из кабинета, Левшин находил в столовой, кроме дочери, еще жену и сына.

И видя его в домашнем кругу, вечно удрученного, вечно о чем-то думающего, иногда заискивающего перед женой и детьми, иногда резкого и раздражительного, никто бы не узнал его за карточным столом в клубе, или в рублевых трибунах на бегах. Тут Владимир Аркадьевич казался совершенно другим, с ярким румянцем на щеках и с горящими, возбужденными глазами. И только, когда его карту били, или лошадь, на которую он ставил, приходила последней к столбу, — лицо Левшина делалось сразу землистым, глаза потухали, весь он как-то съеживался и был ужасно похож на побитую собаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.